

ТУВИНЦЫ И РУССКИЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЧУВСТВА НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)¹

А. К. Кужугет²

Аннотация: В статье ставится вопрос о необходимости изучения проблемы чувства национального достоинства у русских и тувинцев — жителей Республики Тыва в постсоветское время. Автор указывает на необходимость учета исторических особенностей межэтнических отношений.

Ключевые слова: Тува, общество, русские, тувинцы, чувство национального достоинства, межнациональное общение, национальный вопрос.

TUVANS AND RUSSIANS IN CONTEXT OF STUDYING THE NATIONAL DIGNITY FEELING (PROBLEM DEFINITION)

A. K. Kujughet

Abstract: Article raises a question of necessity to study the problems of national dignity feeling among Russians and Tuvans — residents of the Republic of Tyva in Post-Soviet era. The author points out the necessity to count historical characteristics of interethnic relations.

Keywords: Tuva, society, Russians, Tuvans, national dignity feeling, interethnic communication, national issue.

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке гранта РГНФ 09-04-00538 а/р.

² Кужугет Айлана Калиновна — доктор культурологии, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва, член редколлегии журнала «Новые исследования Тувы». Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2121-kujughet.html

Данная тема в настоящее время является крайне актуальной, поскольку в современном тувинском обществе намечаются новые тенденции социокультурного, этнопсихологического характера, которые требуют осмысления в историческом контексте, чтобы прогнозировать и моделировать их дальнейшее развитие в условиях становления гражданского общества в России.

В процессе работы над коллективной монографией «Русские в Туве. Культурологический аспект» мы столкнулись с проблемой межнационального общения со своими плюсами и минусами, поскольку рассказать о деятельности русских специалистов в Туве на протяжении ста лет — показалось мало и сухо. Нам хотелось узнать больше об их жизни в чужой стране со своими традициями и законами (до присоединения Тувы в состав СССР), ведь даже после присоединения к Союзу у русских специалистов были сложности в общении.

В науке мало исследована тема эволюции чувства собственного достоинства у представителей народов в разные эпохи. Еще меньше — чувство национального достоинства. Понятие психологического самочувствия народа в иноязычной и инокультурной среде — это одно, еще сложнее говорить о достоинстве человека, относящего себя к конкретному народу. Поэтому цель данной статьи — постановка проблемы, поскольку это тема для отдельного комплексного исследования.

Достоинство — это неотъемлемая и безразмерная ценность каждого человека. Чувство собственного достоинства — увы, это

качество не всех членов общества, а лишь людей думающих, самодостаточных, уважающих себя, а, следовательно, уважающих и других. Многие члены нашего современного тувинского общества не уважают себя, свой народ, его культуру, и соответственно, совсем не считают проступком оскорбить другого человека по национальному признаку. Крайне трудно объяснить ему, что при этом мы унижаем и оскорбляем свой народ, теряя при этом чувство национального достоинства. Нельзя возвыситься за счет оскорбления другого народа. Именно в этом и заключается одна из важнейших культурологических проблем современного общества Тувы.

Мы вынуждены ставить эту проблему, потому что, как и весь народ России, мы строим правовое гражданское общество. Нам в этом отчаянно мешают установившиеся со времен СССР стереотипы межнационального общения. Мы привыкли писать одно, а делать — другое. Говорить об одном, а думать — совсем другое. Однако, чтобы наконец создать здоровое демократическое гражданское общество, надо взрастить в людях чувство собственного и национального достоинства. Одно без другого просто не может функционировать.

Сегодня не только в Туве, но и в России по-прежнему важной и только декларируемой с позитивной оценкой, но не изученной остается проблема многогранных аспектов межэтнических отношений. Надо сказать, что за те 70 лет советской власти, кроме всего того позитивного, что было приобретено национальными республиками в СССР (что невозможно даже перечислить в одной статье, а это и современное здравоохранение, и всеобщее обяза-

тельное образование, и комфортные жилищные условия и т.д.), был и негатив преимущественно психологического характера.

После распада Советского Союза в общественной культурной жизни его народов, особенно «титульных наций» республик, начался процесс обращения к своему прошлому, к своим «истокам и корням». Однако далеко не всегда он был теоретически осмыслен, часто это был откат назад, практически к феодальным отношениям, к архаичным моделям поведения. По мнению И. В. Кондакова, «посттоталитарное и постимперское развитие многонациональной цивилизации с неизбежностью повлекло за собой пробуждение и интенсивный рост этнического и национального самосознания, стремление к самоопределению еще недавно задавленных наций, народностей и их культур, рост национальных и этнокультурных интересов, постоянно перераставших в интересы конфессиональные и политические» (Кондаков, 2003).

По сути, в предыдущий, советский период никогда глубоко, с научной точки зрения не изучался менталитет не только тувинского народа, но и «его старшего брата» — русского народа. Считалось, что в этом не было необходимости, так как формировалась новая общность — советский народ, а значит, общий, советский менталитет на основе русского, т. е. европеизированный, что особенно было тяжело постичь недавно еще восточному народу — тувинскому.

Это очень важный концептуальный вопрос. Большой комплекс проблем модернизации культуры Тувы связан именно с трансформацией ее восточной «природы» в европеизированную. Многие были непонятны и даже неприемлемы для менталитета вос-

точного человека. Жесткость коммунистической культурной политики сняла только внешние проблемы этого ряда, оставив глубоко в подсознании тувинцев корень проблем.

Самым печальным результатом модернизации тувинского общества и культуры стало формирование комплекса национальной неполноценности, признание самим народом, во всяком случае, официально, идеи об отсталости культуры тувинского народа и несовместимости ее с новой культурой, а значит полным отказом от нее.

Мы согласны с утверждением С. М. Маркедонова, что «очередная политика России осуществить модернизацию вызвала всплеск традиционализма и политической архаики. Ценности рыночной экономики, гражданского общества и правового государства были отвергнуты не только и не столько экс-секретарями комитетов КПСС различных уровней, сколько лидерами возникших под общедемократическими лозунгами движений за самоопределение, «возрождение» национальной культуры и искусства, возврат к «истокам и корням» (Маркедонов, 2004: 129).

Под лозунгом «за возрождение культуры» в национальных республиках, не переросших феодальные отношения, началась, по сути, реконструкция клановой системы, никоим образом не относящаяся к демократизации общества. Таким образом, в Туве, к примеру, произошел откат к родовому, клановому обществу, противоречащему современному развитию человечества.

Униженное чувство национального достоинства при дефиците элементарной политической и этической культуры породило у маргинальной части тувинского этноса пещерную ксенофобию против

русских, более практичных и лучше адаптировавшихся к сложной, постоянно изменяющейся жизни.

Начало 90-х годов вошло в историю Тувы как период всплеска националистических взглядов и русско-тувинского конфликта. Об этом много писалось в российской прессе, но суть обострения отношений между двумя народами подавалась неверно, упрощенно. По-видимому, сказался также комплекс «малого» народа, возвращенного коммунистическими лидерами Тувы в 40-80-е годы, переросший в злобу против «старшего брата».

История этого вопроса не исследована до настоящего времени: конфликт разразился в начале 90-х, а формировался еще в советский период. На наш взгляд, главная причина осложнения национальной ситуации в Туве заключалась именно в потере чувства национального достоинства, а также в очень коротком историческом периоде, за который тувинцам пришлось влиться и стать братским другим народам СССР, с 1944 года — года присоединения Тувы прошло всего 45 лет!

Начался конфликт, как всегда это бывает, на бытовой почве, а перерос в серьезное столкновение. Молодые люди, в основном безработные, подогреваемые местными оппозиционными политиками, желавшими попасть в местный парламент, обратили свой гнев за неустроенную жизнь на русское население. Появился лозунг: «Русские! Вон из Тувы!», повлекший массовый исход русскоязычного населения из республики.

Г. Ф. Балакина и З. В. Анайбан писали: «тувинцы усматривают угрозу своей национальной целостности и единству, сознание уг-

розы включает механизмы психологической защиты от чужеродного влияния, приводит к ошибкам в восприятии другой национальной группы. Такая ситуация обуславливает изменение вектора межэтнического взаимодействия в направлении к полюсу этнокультурной изоляции, отчуждению между тувинцами и русскими» (Балакина, Анайбан, 2005: 79). Если в 70-е годы русских было около 30%, то сейчас, по переписи населения 2002 года, их осталось 20,1%¹. Далее авторы отметили: «сальдо миграции стало стабильно отрицательным с 1990 года, тогда как в предыдущие годы численность приехавших и уехавших приблизительно совпадала. Пик массового оттока русских из республики приходится на 1990 г.: более 10 тысяч человек Тува потеряла в миграционном обмене» (Балакина, Анайбан, 2005: 80). Это стало настоящей катастрофой, последствия которой станут более ощутимыми в самое ближайшее время, но уже и сейчас это проявляется, в первую очередь, в социальной и производственной сфере. Тува потеряла много специалистов и не скоро появятся свои – такого же класса. Бывший Председатель Правительства РТ Ш. Ооржак констатировал в своих выступлениях в начале 2000-х годов, что республика стала, практически, мононациональной. И сейчас, в 2010 году, русские и украинцы покидают республику (однако процент уехавших и въехавших в Туву сохраняется, поскольку все больше в Кызыл приезжают граждане Кыргызстана).

Тува оказалась неподготовленной к кардинальной, уже второй смене социального вектора в силу сильного действия культурного, человеческого фактора, традиционного сознания (Даргын-

оол, 2002: 101). Особенно ярко кризисные явления проявились в тувинской деревне. Скотокрадство, бандитские грабежи, убийства чабанов стали обычным делом для сельской Тувы. Из-за отсутствия работы на селе, скотокрадства деревенские жители переезжают в районные центры и в города. Можно констатировать, что «за межпереписной период число сельских населенных пунктов, в которых проживает население, сократилось на 22%. Это произошло за счет переселения населения из мелких сельских населенных пунктов в более крупные» (Аналитическая записка..., 2005: 11).

Культура городов, особенно столицы — Кызыла, от этого процесса существенно изменилась. Ученым, как нам кажется, еще предстоит исследовать новый тувинский феномен: один народ разделен на два: городские тувинцы и районные, соответственно наличествуют и две культуры. Впрочем, подобная ситуация складывается, к примеру, и у других народов, однако в Туве это проявляется значительно ярче в силу немногочисленности самого народа. Под «районной» культурой мы подразумеваем не деревенскую — исконную, корневую, доминирующую, а деградирующую, которая начала в Туве превалировать. Новые жители Кызыла стали навязывать свои интересы и вкусы, диктовать свои требования и к тувинской культуре и искусству. Это легкая, часто бессмысленная поп-музыка, танцы, юмор, которые трудно назвать тувинскими, да и просто современными. Часто это откровенная пошлость.

Среди идей начала 90-х годов, включающих положения о полном суверенитете, провозглашались идеи возрождения национальной культуры. Это стало общим местом в региональной поли-

тике большинства народов бывшего Советского Союза, поскольку именно культура действительно является одним из определяющих и наиболее четко ощутимых факторов модернизационных процессов общества.

Традиционная культура, наряду с суверенитетом, стала флагом, под которым группировались оппоненты существующей власти, однако ни о каком возрождении культуры на самом деле речь не шла. По мнению Г. Ф. Балакиной и З. В. Анайбан: «почвой для обострения межнациональных обострений стали серьезные промахи в национальной политике, проводившейся в Туве с середины 30-х годов [*периода Тувинской Народной Республики – А.К.*], а именно откровенная линия на подавление и нивелирование любых проявлений тувинской культуры, традиций, обычаев. Это относится, в частности, к религии (притом, что православная церковь, старообрядческие и баптистские общины с абсолютным большинством русских прихожан нормально действовали), народным праздникам (например, Шагаа – Новый год по лунному календарю был попросту запрещен), ограничение сферы действия тувинского языка (так, делопроизводство необходимо было вести на русском языке)» (Балакина, Анайбан, 2005: 82).

1990-е годы ознаменовались ситуацией в республике, определяемой единым понятием «кризис». Он коснулся всех сфер общественной жизни: и экономики, и политики, и социальной, и культурной. В экономике кризисные явления в Туве в 1990-1992 годы нарастали быстрее, чем в Российской Федерации. В основе этого лежит ряд объективных причин. Прежде всего, резкий рост цен в

начале 1992 года, дефицит денежной наличности, задержки во взаиморасчетах, задолженность по зарплате привели к тому, что большинство предприятий республики не могло получить с потребителей полную сумму средств за поставленную продукцию. Коммерческие банки республики слабо занимались формированием собственных ресурсов, 80% средств формируются за счет централизованных ресурсов Центрального банка России.

Одной из важнейших причин спада производства стала неподготовленность многих предприятий и целых отраслей к работе в рыночных условиях. Многие предприятия республики являются убыточными, их продукция неконкурентоспособна.

Экономический кризис сказался на росте дотационности экономики Тувы. Так, в 1990 году субвенция – целевое назначение финансирования из бюджета Российской Федерации – составила 104,5 млн. руб., в 1991 году – 434,5 млн., что в 3 раза превышало собственные доходы республики, в 1992 году – 6,7 млрд., что в 5,5 раза превышало собственные доходы Тувы, в 1993 году соответственно 6,0 млрд. руб. и 5 раз (Там же: 37-38).

Кризис ознаменовался в Туве ростом безработицы, особенно среди тувинской молодежи, и как следствием этого – массовым сбором конопли, ростом контрабанды, скотокрадства, браконьерства. У всех этих социальных проблем один корень зла: именно в эти годы наиболее ярко проявилась проблема утраты межпоколенной связи, поддерживавшей морально-этические нормы в течение многих веков. Дома-интернаты, в которых содержались и обучались дети чабанов в отрыве от семейного воспитания и которыми

так гордились партийные органы в советское время, являются в настоящее время одним «из главных факторов социально-психологического кризиса тувинского общества, в том числе причин криминализации» (Даргын-оол, 2002: 98). Кардинальная ломка не успевавших оформиться морально-этических установок приводит к деградации общества, к озлоблению, массовому пьянству, к разрушению института семьи.

В постсоветский период в Туве отчетливо проявился тип власти, называемый «этнократическим», который был и в советский период, но тщательно скрывался, существовал латентно, поскольку тогда у местной власти были только исполнительные функции, любая инициатива снизу исключалась, чтобы не ломать единообразия развития всех республик и областей страны.

В начале 90-х годов впервые тувинцы, как и другие народы, ощутили пьянящий вкус свободы своего слова и своих действий, а не повтора коммунистических текстов из Москвы. Это привело к тому, что и тувинцам в Республике Тыва стало жить трудно, а русским — еще труднее. В первую очередь, по экономическим причинам, поскольку за прошедшие 20 лет так и не начали работать комбинаты по производству асбеста и кобальта, стоят в руинах практически все предприятия пищевой промышленности.

В Туве уже явно проявляется понижение этнического, социального и политического статусов русских, их оттеснение на периферию жизни. Их все меньше в правительстве и на руководящих должностях. Понижение статуса приводит к психологическому дискомфорту, когда все понимают, что на ответственную должность

ставят по любому признаку, только не по труду, способностям и знаниям. Кстати, чувство дискомфорта испытывают и сами тувинцы — выпускники столичных вузов: они не могут устроиться на работу без родственных связей и уезжают обратно в большие города.

Таким образом, очередная модернизация перевернула все с точностью до наоборот: теперь уже у русских и как принято говорить, у русскоязычных, все возрастает чувство национальной неполноценности. Уже не только в городе, в общественных местах, бывает, что и на официальных собраниях разного уровня, вплоть до республиканского, говорят только на тувинском языке, невзирая на то, что в зале бывает много русских. О демократии в общепринятом смысле в настоящее время в Туве, также как и о толерантности, равноправии людей разных национальностей говорить еще рано.

Вопрос о положении русских в Туве — не вопрос и не проблема, потому что, если его не ставить, значит — его нет. Увы, он есть. Русские уходят из Тувы, прожив, трудясь в ней много десятилетий, полюбив ее как свою вторую родину. Уехав, скучают, но не видят в ней перспективы для своих детей, для их будущего. Русские покидают Туву, потому что, когда унижают твое чувство собственного и национального достоинства, наступает момент, когда терпеть это невозможно. Тува при таком положении совсем не выигрывает, однако то, что это гуманитарная проблема — должны понять не один и не два человека, а все общество. Понять и измениться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Кондаков, И. В. (2003) Культурология: история культуры России. М.

Маркедонов, С. М. (2004) «Вестфальская» Россия: Черты российского регионализма рубежа XX-XXI вв. // Новый мир. № 2.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (2005) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск.

Аналитическая записка «Об итогах всероссийской переписи населения 2002 г. в Республике Тыва» (2005). Кызыл : ТОФСГС по РТ.

Даргын-оол, Ч. К. (2002) Культурно-антропологические факторы регионального развития (на примере Тувы): Дис. ... канд. филос. наук. М.

¹ Национальный состав населения: тувинцы - 77% (235,3 тыс. человек), русские - 20,1%, другие национальности - 2,9% ... По численности второе место занимают русские, их численность составляет 61,4 тыс. человек, меньше чем по итогам прошлой переписи на 37,8% (Аналитическая записка..., 2005: 43-44).